

Переулок Дунцзяоминь был почти пустынен, снег лежал толстым слоем. Ряды серых каменных вилл, выстроенных в иностранном стиле, покрытые снегом, выглядели как миниатюрная версия банковской улицы Шанхая, создавая атмосферу торжественной тишины. Дом Чэн Фэнтая, скрытый от глаз прохожих, не выходил фасадом на улицу. Когда-то это здание служило испанским представительством, но в итоге оказалось в его руках. Соседями были посольства, казармы и банки. Когда он только приехал в Бэйпин, японцы всюду бушевали на севере, и, опасаясь внезапной войны и транспортного коллапса, он купил этот дом, рассчитывая на безопасность близости к иностранцам, как в зоне концессии. Такие дома редко сдавались в аренду, и в итоге он превратился в место для развлечений, что было настоящим расточительством.

Матушка Чжао, прислуга в малом особняке, открыла дверь и, увидев второго господина Чэна в сопровождении молодого человека, была немало удивлена. Помимо двух господ, здесь больше никто не бывал. Оценив изящную фигуру и красивую внешность Шан Сижую, она невольно заподозрила нечто непристойное, но не осмелилась задавать вопросы, подав чай и отправившись вызвать танцовщицу.

Чэн Фэнтай бросил ей многозначительный взгляд, и матушка Чжао склонилась, чтобы выслушать указания. Он шепотом приказал:

— Поднимись и скажи ей, что я привел гостя. Пусть оденется, выйдет прогуляться и вернется позже.

Матушка Чжао кивнула, но, прежде чем она успела подняться, танцовщица, услышав звук автомобильного гудка, выглянула из окна и, увидев машину Чэн Фэнтая, обрадовалась. Не обращая внимания на тех, кто вышел из машины, она наспех попудрилась, накрасила губы, накинула розовый халат поверх платья и спустилась вниз, кокетливо приговаривая:

— Ах, мой второй господин! Как давно вы не приходили! Вы забыли обо мне? Какой же вы бессердечный!

Услышав ее голос, Чэн Фэнтай почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Шан Сижуй, обычно молчаливый в незнакомых местах, осматривался вокруг, сняв накидку и капюшон, наслаждаясь теплом западного дома. Услышав голос танцовщицы, он насторожился, и его взгляд стал острым.

Танцовщица, с распущенными кудрями и кокетливой улыбкой, шла вниз, обнажая тонкие белые ноги, выглядывающие из-под халата. Шан Сижуй окинул ее взглядом с головы до ног, а затем снова поднял глаза. Увидев незнакомца с таким ледяным взглядом, танцовщица замерла на лестнице, ее улыбка застыла, и она слегка кивнула Шан Сижую, а затем взглянула на Чэн Фэнтая.

Чэн Фэнтай воспользовался моментом:

— Позволь представить. Это госпожа Цзэн, подруга Фань Ляня, а это мой друг, господин Тянь.

Танцовщица, привыкшая к светским манерам, быстро сообразила. Незаметно прикрыв грудь,

она сменила выражение на более сдержанное:

— Ах, господин Тянь, очень приятно. Пожалуйста, присаживайтесь, я сейчас переоденусь и вернусь. Извините за беспокойство.

Но, прежде чем она успела повернуться, Шан Сижуй двумя шагами подошел к ней, схватил за волосы и потащил к выходу. Его сила, достойная ампула воина, заставила танцовщицу закричать от боли, согнувшись и пытаясь удержаться на ногах. Но как слабая женщина могла противостоять ему? Через несколько шагов она упала на пол, потеряв туфли и распахнув халат, цепляясь за руку Шан Сижую, пока он тащил ее к двери, открыл ее и вышвырнул наружу.

Танцовщица упала в снег, холод быстро привел ее в чувство. Она тяжело дышала, а затем громко заплакала. Старина Гэ, услышав плач, поднял ее и подумал: «Я знал, что сегодня что-то случится. Либо ты, либо второй господин — кто-то обязательно получит от господина Шана. Просто не ожидал, что так быстро».

За дверью плач звучал ясно и жалобно, как стон призрака. Все произошло так быстро, что Чэн Фэнтай и матушка Чжао стояли в оцепенении, глядя на Шан Сижую. После вспышки гнева он снова стал мягким и нежным юношей, даже его губы слегка поджались, словно он был обижен, и невозможно было связать это с только что произошедшим.

Шан Сижуй спросил:

— Где ванная?

Этот вопрос, казалось, был адресован никому конкретно. Матушка Чжао, наблюдая за их выражением лиц, поняла, что Чэн Фэнтай не моргнул глазом, лишь с легкой улыбкой на лице, словно терпеливо относясь к господину Тяню. Чэн Фэнтай кивнул ей, и матушка Чжао тут же ответила:

— Господин Тянь, пожалуйста, за мной.

Чэн Фэнтай добавил:

— Сначала поднимайся, я скоро приду!

Шан Сижуй не обернулся и не ответил, поднявшись с матушкой Чжао наверх.

Старина Гэ, сидя в машине, увидел, как дверь открылась, и Шан Сижуй выбросил на улицу большой красный сверток. Когда сверток поднялся, он понял, что это живой человек. Макияж танцовщицы был размазан слезами, и старина Гэ накинул на нее свой пиджак. Когда Чэн Фэнтай вышел, танцовщица бросилась к нему в объятия, рыдая:

— Второй господин! Что это за человек? Он сразу же набросился на меня! Посмотри, он вырвал у меня клок волос! Посмотри!

Чэн Фэнтай, опасаясь, что Шан Сижуй может вернуться, сделал вид, что утешает ее, но отстранил на безопасное расстояние:

— Ты не знаешь, кто он?

Танцовщица знала только актрису Жуань Линьюй, но не певца Пекинской оперы Шан Сижую. Она покачала головой, слезы катились по ее щекам:

— Если бы я знала, кто он, я бы держалась от него подальше, и мне бы не пришлось терпеть такое!

Чэн Фэнтай с облегчением вздохнул:

— Ах, если ты его не знаешь, то и хорошо. Мне не нужно тебя предупреждать.

Танцовщица слабо ударила его кулачком в грудь, упрекая. После удара Шан Сижую этот удар казался легким щелчком. Чэн Фэнтай, всегда мягкий к женским слезам, почувствовал, как его сердце дрогнуло. Он обнял ее за плечи и усадил в машину, успокаивая:

— Бедняжка, сегодня ты пострадала, но здесь есть гости, и тебе не вернуться в дом. У Фань Ляня дома полно родственниц, тебе туда неудобно. Вот что...

Он вынул чековую книжку, выписал пустой чек и написал несколько строк на обороте:

— Возьми это, пусть старина Гэ сходит к управляющему Цаю и получит наличные. Затем прогуляйся, купи что-нибудь себе в радость. Ты давно хотела шубу из выдры? Иди и внеси задаток. Вечером поужинай в отеле «Шесть наций» и переночуй там. Хорошо? Не плачь. Позже я попрошу матушку Чжао принести тебе одежду и обувь.

Танцовщица украдкой взглянула на цифры на чеке и едва не рассмеялась, прикрыв рот рукавом и притворившись, что все еще расстроена. Она села в машину, но вдруг высунула лицо:

— Пусть матушка Чжао принесет мою косметичку и те изумрудные украшения, а еще серую лисью шаль!

Чэн Фэнтай запомнил. Матушка Чжао налила горячую воду в ванну и, когда Шан Сижуй погрузился в воду, собрала одежду и украшения танцовщицы, завернув их в шелковую шаль. В отсутствие Чэн Фэнтая танцовщице не было смысла плакать, и она напевала, разглядывая чек. Матушка Чжао открыла дверь машины и передала ей сверток. Танцовщица тяжело приняла его и сказала:

— Собери мои духи и масла с туалетного столика, чтобы этот кролик их не разбил. Сегодня я не вернусь.

Эти слова подтвердили догадки матушки Чжао, и, возвращаясь к Шан Сижую, она уже знала, как себя вести. Старина Гэ вел машину, а танцовщица на заднем сиденье, развалившись,

надевала чулки, одевалась и красилась, не стесняясь его. Старина Гэ откинул зеркало, чтобы не смотреть на нее, и услышал ее вопрос:

— Эй, старина Гэ, скажи, этот кролик — новый любовник второго господина?

Старина Гэ всегда держался подальше от любовниц своего господина, особенно таких, как она:

— Не знаю.

<http://bllate.org/book/15435/1368634>